

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»
119571, г.Москва, пр-т Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

члена Диссертационного совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации на диссертацию, выполненную Маргулисом Сергеем Борисовичем на соискание ученой степени кандидата политических наук по теме: «Эволюция радикального ислама как формы политического протеста в центральноазиатских республиках в поздний советский и постсоветский период (на примере Узбекистана, Таджикистана и Киргизии)» по специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

Актуальность избранной темы

Диссертация посвящена несомненно актуальной теме.

Во-первых, проблема радикального исламизма значима для России как с точки зрения опыта вооруженной борьбы с ним на Северном Кавказе, так и в контексте современной миграционной проблематики.

Во-вторых, наблюдаемая эрозия международных интеграционных объединений и регионализация мировой политики, сопровождающаяся обострением внутренних и межнациональных конфликтов, используется радикалами в политических целях, что требует изучения и адекватной реакции.

В-третьих, регион Центральной Азии исторически имеет тесные геополитические и экономические связи с Россией, и его радикализация противоречит коренным интересам нашего общества, что актуализирует научное внимание к процессам в центральноазиатском регионе.

Диссертант формулирует и другие аргументы в подтверждение актуальности своего исследования, с которыми следует согласиться.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Предметом диссертационного исследования является эволюция радикального ислама в Центральной Азии как политического феномена, а целью – выявление ключевых политических, социально-экономических и

религиозно-культурных факторов радикализации ислама в субрегионе Центральной Азии (на примере Узбекистана, Таджикистана и Киргизии).

Методологически исследование опирается на положения нового институционализма, кросс – культурный анализ, историко-описательный метод, биографический и статистический методы. Данные теории и методы действительно использованы в работе.

Диссертационное исследование обладает внутренней логикой и концептуальной завершенностью. Его первая глава посвящена особенностям политических режимов и месту среди них исламского государства, а также истории развития исламских теорий государства, включая радикальные. Во второй главе рассмотрен дореволюционный и советский исламский опыт региона Центральной (Средней) Азии. В третьей главе последовательно рассмотрены новейшие процессы исламского религиозного экстремизма в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии. Подобный подход к раскрытию темы видится обоснованным, обеспечивая движение от общих вопросов к частным.

Наряду с этим, следует отметить определенное противоречие территориальных рамок исследования его предмету (эволюция радикального ислама в Центральной Азии как политического феномена). В регионе Центральной Азии выделяются пять республик, из которых лишь три охвачены исследованием. Аргументы о закрытости данных по Туркмении и низкой доле мусульман в Казахстане выглядят не вполне убедительными.

Гипотеза исследования строится на утверждении, что главной формой политического протеста в регионе стал ваххабизм. В такой формулировке гипотеза представляется спорной. Если данный факт был неизвестен до проведения исследования, то необходимо предположить причину обращения протестующих именно к ваххабизму и проверить, так ли это. Если же это уже известно специалистам, то речь идет не о гипотезе, а о простой констатации.

Остается непонятным политическое значение выявленного автором преобладания ваххабизма над суфизмом в региональном протестном движении, учитывая, что диссертация посвящена политическим институтам процессам и технологиям, а не религиоведению или регионалистике.

Кроме того, в ряде мест (например, на стр. 24) диссертант пишет о том, что движения в республиках ЦА опираются на вариант «ваххабизма», сочетающий салафитские идеи с суфийскими практиками и вопросами национальной идентичности и клановой принадлежности. То есть речь идет о псевдорелигиозном движении, слабо связанном с учением Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и направленном на решение чисто политических задач.

Диссертация основана на широком круге публикаций, как российских, так и иностранных, включая исследования ученых из центральноазиатского региона, что правильно и необходимо. Дефицит фундаментальных исследований, охватывающих новейший период, компенсируется обращением к периодике и публицистике.

Хотя ключевые исследования темы охвачены соискателем, не упомянут ряд диссертаций, защищенных по близкой проблематике, в частности:

- Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы (дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005);
- Егимбаев К.К. Религиозный экстремизм в социокультурном пространстве современной Центральной Азии: концептуальный анализ (дисс. ... канд. филос. наук. Таджикистан, 2015);
- Мутов С.А. Центральная Азия в политике мусульманского мира (дисс. ... канд. полит. наук. М., 2011);
- Егунов А.В. Исламский радикализм на постсоветском пространстве: идеологические и организационные аспекты (дисс. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2005);
- Даирова А.М. «Исламский фактор» в политических процессах Казахстана (дисс. ... канд. полит. наук. М., 2006);
- Усмон Давлат. Исламский фактор в политических процессах России и Таджикистана: сравнительный анализ (дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008);
- Саидов Ш.Ш. Исламский фактор и его влияние на политические процессы Центральноазиатского региона (на материалах Республики Таджикистан) (дисс. ... канд. полит. наук. Таджикистан, 2015).

Отсутствие упоминаний близких по тематике работ потенциально чревато пересечением их научных положений с выводами соискателя, что не желательно в диссертации.

Автор рассмотрел широкий спектр источников, включая публикации авторитетных исламистов, памятники исламского права, нормативные правовые акты стран центральноазиатского региона, исследования и статистику, а также материалы периодических изданий.

Наряду с этим, в качестве недостатков данного исследования видится:

- Отсутствие обращения к данным о разыскиваемых террористах и экстремистах (например, «красные уведомления» Интерпола) в разрезе их гражданства и совершенных преступлений.
- Отсутствие данных Всемирного исследования ценностей для

Таджикистана (<https://catalog.ihsn.org/catalog/12306>).

- Использование статистических и опросных данных (прил. 3-16) в почти не сопоставимом виде по анализируемым странам. Понимая проблемы с доступностью данных и различной методологией их сбора, все же следовало бы обеспечить сопоставимость (например, используя данные ООН, Transparency International, Всемирного банка).
- Слабое использование нормативных актов и официальных документов советских партийных и государственных органов (упоминание таковых на стр. 110 не сопровождается их анализом). Ограниченно цитируются опросные и статистические данные, а ключевым по числу упоминаний источником при описании советского периода выступает монография А.А.Беннигсена, изданная в Париже, что не вполне объективно.

Хронологические рамки исследования ограничены 2022 г., но в ряде мест затронуты и более поздние события. В этой связи было бы интересно отметить включение ряда выходцев из республик ЦА в новое исламистское правительство Сирии после падения режима Башара Асада в начале 2025 г. Так, активист ПИВТ вошел в руководство министерства обороны, также в этом правительстве есть уроженец Узбекистана, по сообщениям СМИ.

В ряде мест допускаются спорные и слабо аргументированные суждения.

На стр. 99 диссертант пишет, что разделение Центральной Азии на национальные республики в 1924 г. имело целью формирование национальной идентичности и местных литературных языков. Вряд ли политика советского правительства диктовалась столь возвышенными соображениями. Более вероятное объяснение - оптимизация структуры управления и объективный процесс обособления наций. Большевики не формировали национальную идентичность, а лишь юридически оформляли ее.

В параграфе 2.2 «дело ЦДУМ» представлено как полностью сфабрикованное. Ошибочность такого утверждения подтверждается тем, что часть фигурантов этого дела до сих пор не реабилитированы.

Диссертация написана грамотным русским языком, с соблюдением принципов научной критики.

Имеют место отдельные недочеты в оформлении:

- В публикациях в соавторстве, в том числе с научным руководителем (стр. 25-26), не выделен личный вклад автора.
- Повтор предложения на стр. 163.

- Нарушена нумерация в списке литературы.
- Некоторые элементы диссертации начинаются не с новой страницы.
- Иноязычная литература идет перед русскоязычной в списке литературы.

Достоверность и новизна

Выводы диссертации базируются на проведенном соискателем исследовании и обладают научной новизной. Положения на защиту и пункты научной новизны прошли апробацию в шести статьях, опубликованных в изданиях из перечня ВАК, доложены соискателем на ряде конференций и использовались при выполнении трех научно-исследовательских работ.

В первом пункте научной новизны «доказано, что подлинное исламское правление (халифат/имамат) рассмотрено в качестве исключительно политического феномена» (так в тексте, стр. 12).

В последующих рассуждениях автор обнаруживает сходства идей халифата с некоторыми формами авторитаризма, в частности, с посттоталитаризмом (стр. 23), но отрицает возможность их отнесения к тоталитаризму на том основании, что для халифа обязательны религиозные законы, отсутствует обязательная единоличная власть и т.д. (стр. 50).

Вместе с тем, критерии тоталитаризма (стр. 37) в основном совпадают с признаками исламского правления (стр. 46): с присягнувших на верность халифу снимается всякая ответственность, если он ненадлежащим образом выполняет свои обязанности; простые мусульмане не должны вмешиваться в государственные дела и т.д.

Недостатком видится отсутствие в параграфе 1.1 и прил. 2 сравнения халифата с различными типами политических режимов по их общераспространенным критериям. Подобное соотнесение, возможно, исключило бы однозначное игнорирование сходств халифата с тоталитаризмом. Аргументом в пользу этого является то, что последовательно проводящее принципы халифата Исламское государство рассматривается мировым сообществом в качестве экстремистской организации.

Кроме того, теоретический вклад диссертации усилило бы рассмотрение в главе 3 реальной политической практики на территориях, подконтрольных в разное время исламистским движениям. Такой анализ способен прояснить вопрос, к какому политическому режиму тяготеет практический исламизм.

Во втором пункте научной новизны указано, что «радикальный ислам в XX - XXI веках, не теряя своей религиозной основы, все больше сосредотачивается на политической повестке».

Здесь вряд ли можно увидеть новую тенденцию, так как все религиозные движения и учения политически мотивированы (по крайней мере, это очевидно для политической науки). Уместно напомнить слова Ф.Энгельса о том, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех *внешних сил, которые господствуют над ними* в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» («Анти-Дюринг»).

В своих рассуждениях об истории исламизма в Центральной Азии автор многократно подтверждает, что цели подобных движений изначально были преимущественно политическими. Например: «Среди миссионеров особо стоит обратить внимание на деятельность так называемых яр-мулл (местных бродячих проповедников), периодически связанных с соседними государствами и распространяющими среди местного населения не только ислам, но и *политические антирусские идеи*... активность миссионеров особенно явно стала проявляться в период русско-турецкой войны (1787–1791) и *велась в интересах Порты*» (стр. 85, курсив мой).

Третий пункт научной новизны, возможно, требует уточнения. В нем утверждается, что протестные движения в странах ЦА, как правило, возникают по социально-экономическим (иногда политическим) причинам, однако достаточно быстро дополняются религиозной компонентой, которая оказывается превалирующей, тогда как ислам становится главным фактором, консолидирующим оппозицию.

Это можно понять в том смысле, что ислам обладает некими признаками и смыслами, привлекающими оппозиционно настроенное население. Однако альтернативным объяснением может служить то, что правящие режимы в республиках ЦА – светские. Если бы они были теократическими, то наблюдался бы обратный процесс: взгляды оппозиции были бы антиклерикальными. Справедливость этого доказывает пример современного Ирана.

В пятом пункте научной новизны утверждается, что благоприятная для распространения исламизма среда связана со сложной социально-экономической ситуацией, политической турбулентностью, низким духовным образованием и т.д. При этом упускается из виду такой фактор, как геополитические интересы других государств.

Автор в ряде мест диссертации справедливо отмечает влияние на ситуацию в регионе ЦА со стороны Турции, Индии, Китая, Саудовской Аравии. Активизацию исламистского подполья могут инспирировать внешние силы, причем не только из мусульманских стран и государств Азии.

Здесь уместно вспомнить, как США поддерживали исламистов в Афганистане против СССР. Подобному давлению на страны ЦА могут способствовать их близость к России, богатство полезными ископаемыми (в первую очередь, золотом и ураном), транзитное положение для наркоторговли и другие факторы, которые автор не рассматривает, ограничиваясь внутривнутриполитическими процессами в трех республиках.

О постсоветских практиках в этой сфере см., например: Решетникова Л.М. Военно-политический аспект внешнеполитической стратегии США администрации Дж. Байдена в Центральной Азии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 3. С. 245–255.

Заключение о соответствии диссертации установленным критериям

Несмотря на перечисленные недостатки, работа представляется самостоятельной, обладает внутренним единством и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Диссертация является научно-квалификационной работой, содействующей решению задачи, имеющей значение для развития политических знаний, содержит новые научно обоснованные решения и разработки, значимые для выстраивания Россией эффективной коммуникации с представителями исламского мира, в том числе с республиками Центральной Азии, а также для выработки политических механизмов противодействия радикальному исламу.

Результаты исследования представляют интерес для широкого круга читателей и экспертов, поэтому можно порекомендовать автору опубликовать их в виде монографии и (или) цикла научно-популярных статей.

Диссертация соответствует паспорту специальности 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» (политические науки), Положению о присуждении ученых степеней, утвержденному постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 16.10.2024), Положению о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (приказ №02-0355 от 28.02.2024 в ред. от 01.07.2024 № 02-1351 и от 03.09.2024 № 02-1711), Порядку присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (приказ № 02-0355 от 28.02.2024 в ред. от 03.09.2024 № 02-1711).

Вывод

С учетом изложенного диссертация «Эволюция радикального ислама как формы политического протеста в центральноазиатских республиках в поздний советский и постсоветский период (на примере Узбекистана, Таджикистана и Киргизии)» может быть допущена до защиты на заседании диссертационного совета, а ее автор, Маргулис Сергей Борисович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии».

Член Диссертационного совета
Президентской академии, доктор
политических наук, доцент, профессор
кафедры политологии и
политического управления Института
общественных наук Президентской
академии, государственный советник
Российской Федерации 3-го класса

Георгий Александрович Борщевский

5^й МАРТА

2025 г.

Контактные данные:
119571, г.Москва, пр-т Вернадского, д.82
Тел.: 8(499) 956-99-99
E-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

